2017. № 4 ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ С./Pp. 7—24
Voprosy Jazykoznanija

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ИЗ РАСКОПОК 2016 г. В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ И СТАРОЙ РУССЕ*

Алексей Алексеевич Гиппиус[а, б, @],
Андрей Анатольевич Зализняк[б],
Елена Владимировна Торопова[в]

[а] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Российская Федерация; [б] Институт славяноведения РАН, Москва, 119991, Российская Федерация; [в] Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, 173003, Российская Федерация; [@] agippius@mail.ru

Статья представляет собой предварительную публикацию берестяных грамот, найденных в Великом Новгороде и Старой Руссе в археологическом сезоне 2016 г.
Ключевые слова: берестяные грамоты, Новгород, Старая Русса.

BIRCHBARK LETTERS FROM NOVGOROD AND STARAYA RUSSA EXCAVATIONS OF 2016

Alexey A. Gippius[a, b, @], **Andrey A. Zaliznyak**[b], **Elena V. Toropova**[c]

[a] National Research University Higher School of Economics, Moscow, 101000, Russian Federation; [b] Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119991, Russian Federation; [c] Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation; [@] agippius@mail.ru

The article is a preliminary publication of the birchbark letters found in Novgorod and Staraya Russa during the archeological season of 2016.
Keywords: birchbark letters, Novgorod, Staraya Russa

1. Великий Новгород

В Великом Новгороде в сезоне 2016 г. на Троицком раскопе XV (руководитель работ А. М. Степанов) изучались напластования, предварительно датируемые 1-й пол. XIII в. В стенке южного профиля на уровне пласта +4, который датируется 1-й пол. XIV в., была найдена берестяная грамота № 1082.

На Троицком раскопе XVI (руководитель В. К. Сингх) изучались напластования, относящиеся к середине XIV в. На уровне пласта 3 прослежены два яруса усадебной застройки, погибшие в пожарах. Возможно, это пожары 1340 и 1360 гг., о которых сообщает летопись. Найдены грамоты № 1085 и 1086.

В 2016 г. продолжились охранные археологические раскопки на участке по ул. Славная, 22 — раскоп Нутный-IV (руководитель М. И. Петров). Площадь раскопа составила 360 кв. м. В ходе исследований было вскрыто около 3 м средневековых напластований,

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-04-00331 «Лингвистическое исследование и подготовка публикации берестяных грамот и надписей-граффити из раскопок 2012—2015 гг.».

в которых изучено 75 построек и 15 ярусов уличных настилов. Предварительная датировка отложений — 2-я пол. XI — 1-я пол. XIV в. В слоях XIV в. были найдены грамоты № 1081 и 1084, в слоях XII в. — грамоты № 1083 и 1087.

Продолжались также работы в центральной части Неревского конца Новгорода на раскопе Козмодемьянском-3 (руководитель О. М. Олейников). Площадь раскопа ныне достигла 1000 кв. м, мощность культурного слоя составляет 4 м. Влажные насыщенные органикой культурные напластования датируются первой половиной XI—XV в. На этом богатом берестяными грамотами раскопе, уже принесшем в 2015 г. восемь грамот (№ 1066—1073), в слоях XIV в. в феврале — апреле 2016 г. были найдены еще семь грамот: № 1074—1080.

В сентябре 2016 г. в южной части Славенского конца Новгорода на участке, отведенном под строительство (ул. Посольская, квартал 69), заложен Посольский раскоп (руководитель О. М. Олейников). Свое название раскоп получил от средневековой Посольской улицы, обнаруженной в шурфе в 20 м к северу от раскопа. Площадь раскопа — 64 кв. м, мощность культурного слоя достигает 4 м. Влажные насыщенные органикой культурные напластования датируются XI—XV вв. На раскопе найдены два фрагмента берестяной грамоты № 1088; их предварительная стратиграфическая датировка — XIII в.

В сентябре 2016 г. в центральной части Людина конца Новгорода на участке, отведенном под строительство, заложен также еще один раскоп — у дома 16 по ул. Троицкой (руководитель О. М. Олейников). Площадь раскопа — 120 кв. м, мощность культурного слоя достигает 4 м. Влажные насыщенные органикой культурные напластования датируются XI—XV вв. На раскопе найдена берестяная грамота № 1089, написанная чернилами; ее предварительная стратиграфическая датировка — 2-я пол. XIV в.

Принципы записи текста и комментирования такие же, как в предшествующих публикациях данной серии. Указанные при грамотах стратиграфические датировки носят предварительный характер.

№ 1074. Козмодемьянский-3 раскоп. Два фрагмента разорванной в древности грамоты. По-видимому, они должны составлять единую полоску от левого края до правого.

С наиболее вероятными конъектурами текст получает следующий вид:

…-ъ сынъ [ви]…
[к]а[к]о [и т]ы а нонь ѡсп… … …мѣ подаите
…

Стратиграфическая и внестратиграфическая дата: XIV в.

Документ представляет собой обрывок челобитной господину. Множественное число императива показывает, что господ в действительности было как минимум двое. Вторым из них (т. е. косвенным адресатом письма) мог быть человек, который упоминался во фразе, заканчивавшейся словами *како и ты*. Обращение в последней фразе допускает двоякую реконструкцию: *ѡспо*(*до*) — с эксплицитным переключением на двух адресатов; *ѡспо*(*дине*) — с сохранением коммуникативной перспективы первой части.

На *-мѣ* могла заканчиваться, например, форма Д. п. личного имени (*Фомѣ*) или словосочетание с В. мн. типа *на хоромѣ*.

№ 1075. Найдена при наблюдениях за углублением старого канализационного колодца близ Козмодемьянского-3 раскопа. Два смыкающихся фрагмента, 6 строк. Справа обрез; утраченная правая часть содержала не менее 7 букв в каждой строке. Сверху старый обрыв, но утрат текста, по-видимому, практически нет.

Расположение текста необычно: он разделен на две неравные части вертикальной чертой, причем на левую часть приходится конец текста или приписка. Второе более вероятно, учитывая, что слева от черты читается законченная фраза. По-видимому, начиная основной текст письма с большим отступом от левого края, автор заранее планировал

разместить на образовавшемся поле дополнительное сообщение. Соблазнительно видеть в нем инструкцию посыльному, в задачу которого входило, во-первых, донести текст письма до адресата (возможно, зачитав его вслух) и, во-вторых, получить деньги с Фомки. Сходным образом устроены еще несколько берестяных документов, в частности, грамота № 997 — письмо от Негожира к Тешену, на обороте которого содержится предписание взять у Тешена гривну — явно адресованное посыльному.

Текст с некоторыми конъектурами:

а оу	приказъ ѿ ю(рьѧ … … к она)=
фом=	ни.і. т за т…
ки в=	идоую .і. про[м](ысли) …
зми	сака к с…
полт=	ъ полтин…
иноу .і.	дахта…
коуни	прода…

Стратиграфическая дата: XIV в.

Внестратиграфическая оценка: XIV в., предпочтительно 2-я половина.

Читается начало грамоты: **Приказъ от Ю(рьѧ)**… — и текст левого столбца: **а оу Фомки взми полтиноу і коуни.** Из правой части можно извлечь (с разной степенью уверенности) только несколько фрагментов разрозненных слов: (**к Она**)**ниі** — вероятный адресат, **пром**(**ысли**), **полтин**(**у**) [или **полтин**(**а**)], **прода**(**и**) [или **прода**(**ле**) и т. п.]. Возможно, имелась также словоформа (**И**)**сака**.

В сочетании *полтину і коуни* под «кунами», вероятно, следует понимать основную сумму долга — в противоположность процентам, составляющим полтину. В берестяных грамотах регулярным обозначением этого понятия выступает *истина*. Как связующее звено между понимаемыми таким образом «кунами» и «истиной» можно рассматривать сочетание *истыѣ куны*, которым в Уставной грамоте Ростислава Мстиславича Смоленской епископии [ДКУ: 141] обозначается собственно дань, без вир и продаж.

Судя по времени и месту, автором письма в принципе мог быть Юрий Онцифорович, который жил неподалеку (на одной из усадеб Козмодемьянской улицы Неревского раскопа); но никаких прямых свидетельств этого нет.

№ 1076. Найдена на стройке близ Козмодемьянского-3 раскопа при наблюдениях за прокладкой траншеи под коммуникации. Левая часть первых двух строк письма. Над второй строкой имеется небольшая вставка мелкими буквами.

Конец первой строки восстанавливается с высокой степенью надежности, начало второй строки — со значительной вероятностью. Приводим текст с конъектурами:

поклонъ ѡсподину ѧкову и ивану ѿ сирътъ что ѥси ꙩс[по](д)[и](не пожаловалъ)
[д]о насъ
(л)[они р]убльмо насъ тъто рубль не дошелъ в[ъ]с[пр]о[с]и ѡсподине …

Стратиграфическая дата: XIV в.

Внестратиграфическая оценка: 40—70-е гг. XIV в.

Перевод: ‘Поклон господину Якову и Ивану от крестьян. Что до того, господин, что ты в прошлом году (?) пожаловал нас рублем, то до нас тот рубль не дошел. Допроси, господин, …’. Вероятно, крестьяне просили, чтобы господин допросил об этом деле своего управляющего. Похожая ситуация с отправленным, но не доставленным по назначению рублем отражена датируемой чуть более ранним временем вологодской берестяной грамотой № 1 [Кукушкин и др. (в печати)].

Как отметила Е. А. Рыбина, Яков и Иван, по-видимому, те же, что автор и адресат грамоты № 30 (70-е — нач. 80-х гг. XIV в.), найденной 64 года назад на расположенной в непосредственной близости усадьбе В Неревского раскопа: *Ѿ Ꙗкова къ Ѥвану. Что слешь*

ко мнѣ про серебро, то вѣдаю, аже ты дале серебро на собѣ. То вѣдаю, а иного не вѣдаю: како ли ты венилесѧ, како ли что дале ѥси рубль на собѣ.

№ 1077. Козмодемьянский-3 раскоп. Три фрагмента, из которых два верхних смыкаются и образуют основную часть документа, а нижний представляет собой его конец.

Грамота написана на внешней стороне коры.

во имѧ ѻца . и сн҃а . и сгто дха . се азъ рабъ б҃и . афанасъ пишю
рукописаниѥ . при своѥмь животѣ . приказъıваю живо=
тъ свои . сн҃у . своѥму . ѻндрѣю . взѧти ми . оу ѻафоноса
оу дьꙗка оу кузмодемьꙗньско . полъ шести коробьи
ко
ржи . оу ница полъ четверти кобьи ржи да е^{т}. ѻвсѧ . оув о=
нисимка оу шадрина .ѕ҃. коробе ржи . оу степанка
оу комарова коробь^{ꙗ} ржи . оу логъıновъıхъ дѣ^{т}. оу кудр^{и}=
нихъ коробьꙗ . ржи . оу коста полъ гривни да нога=
коробьꙗ оу дыда шюба бара[н]
та : оу зѧта оу ѥр^{м}олѣ полтѣна . оу грѣшкѣ оу комара
.з҃. к[о](робеи ржи) …

После разрыва:

… полт[ѣ]ну а дру=
га за мною

Стратиграфическая дата: XIV в.

Внестратиграфическая оценка: конец XIV—XV в.

У писца много погрешностей, но он почти все заметил и исправил. В строке 1 в сгто (вместо стго) переставлены буквы т и г; в пишю буквы шю образуют лигатуру. В строке 2 в рукописаниѥ буква и после п переправлена из а. В строке 3 в сн҃у буква у переправлена из а; в оу ѻафоноса буква о после ф и после н переправлена из а (а перед ф остались оба конкурирующие варианта — ѻ и а). В строке 4 в кузмодемьꙗньско буква з втиснута потом; после кузм автор начал писать какую-то букву (возможно, ѣ), но переправил ее на о; буква ꙗ, по-видимому, переправлена из ѥ; над ньск утрачен верхний слой бересты, на котором могло стоять надстрочное го или г. В строке 5 в кобьи пропущен слог ро (не исключено, что он был надписан над этим словом на утраченном участке верхнего слоя бересты); вместо ѻвса по ошибке написано ѻвсѧ. В строке 6 в коробе не выражен конечный [j]. В строке 7 вместо коробьꙗ ржи автор вначале написал коробьжи, но исправил это, надписав наверху ꙗ и втиснув букву р; в оу кудр автор, по-видимому, вначале написал оу кодр, а затем исправил о на у, просто приписав к букве о хвост. В строке 9 в ѥр^{м}олѣ после о автор начал писать ѣ, но бросил и написал л. Во вставке над этой строкой в оу дыда (вместо давыда) пропущено ав; у слова баран- последняя буква не уместилась или обрезана, а буква б в этом слове получилась очень похожей на в (но сомневаться в том, что имелось в виду именно б, невозможно). Что именно не уместилось, устанавливается не вполне определенно: это могло быть ѧ, ьа или ъ.

Это составленное по обычному канону завещание, точнее его черновик. Раб Божий Афанас завещает свое имущество сыну Ондрею. В первой части документа перечисляется то, что наследнику предстоит взять у должников. Названы: кузмодемьянский дьяк Афанас (Офонос), некто по прозвищу Конище, Онисимко Шадрин, Степанко Комаров, дети Логина Кудри, Кост, зять Ермола, Гришка Комар (вероятно, отец Степанка). Добавлен забытый вначале Давыд. Долги выражены в основном в коробьях ржи и овса, но отчасти также и в деньгах; один раз долг состоит в бараньей шубе.

Во второй части документа перечислялись долги самого автора. От этой части сохранилось окончание фразы, в которой, очевидно, было сказано, что автор завещания вернул такому-то одну полтину долга, а вторая полтина осталась за ним.

В строке 5 после полъ четверти кобьи ржи (букв. ‘половина четвертой коробьи ржи’) следует читать да є^{т}. овсѧ ‘да пятая [коробья] овса’ (с несколько необычной записью числительного). Чтению дає^{т}. овсѧ ‘дает овса’ препятствует то, что в грамоте после гласной последовательно используется ѥ, а не є, т. е. ожидалось бы даѥ^{т}.

В строках 7—8 оу логъıновъıхъ дѣ^{т} оу кудр^{и}нихъ следует понимать как ‘у детей Логина Кудри (т. е. по прозвищу Кудря)’. Если бы это были дети Логина Кудрина, то правильной формой выражения было бы оу логъıновъıхъ дѣтеи оу кудрина.

Прозвище *Кудря* отмечено у Н. М. Тупикова [1903: 270]. У него же [Там же: 66] находим ряд наименований, в синтаксическом отношении аналогичных рассматриваемому, например: *Урусъ Даниловъ сынъ Сокольниковъ* (т. е. сын Данила-сокольника), *Латыня Дмитреев сын Заворотков* (т. е. сын Дмитрия Заворотка) и т. п. А вот примеры разных наименований одного и того же человека: *Антип, прозвище Миля, Игнатьевъ сынъ Суховъ — Миля Суховъ сынъ* [Там же: 72]; *Климко Ондреевъ сынъ Хрипуновъ — Климко Хрипуновъ сынъ* [Там же: 78]. Ср. также наименования отца и сына: *Иван Перепеча Мартемьяновъ сынъ Посульщиковъ* — и его сын *Борисъ Ивановъ сынъ Перепечинъ* [Там же: 80].

Написание *Логыновыхъ*, с *ы* вместо *и*, — гиперкорректное; ср. *Микыти* в № 307, *Микыфора* в № 477 и т. п.

Особое окончание *-ихъ* в *Кудринихъ* такое же, как в целом ряде других грамот XIV и XV вв.; см. [ДНД$_2$, § 3.24].

В *шюба баран-* представляет интерес *а* в слоге *ба*, ср. *на Баране* в № 761. Теперь ясно, что в № 761 это не описка, т. е. вариант *баранъ* действительно встречается в окающей зоне уже в древнерусскую эпоху. Учитывая польск., словацк. и др.-чешск. *baran*, можно предполагать, что этот вариант существовал в восточнославянской зоне издревле.

Имя завещателя — Афанас — снова заставляет вспомнить боярский клан Мишиничей-Онцифоровичей. Согласно В. Л. Янину [2008: 197—198], это имя носил один из сыновей Онцифора Лукинича. Упоминаемая в грамоте Козмодемьянская церковь была для этого клана родовой: для нее предназначался написанный в 1400 г. Пролог (ГИМ, Синодальное собрание, № 240), в выходной записи которого первым из заказчиков назван Юрий Онисифорович (Онцифорович) [Там же: 183].

№ 1078. Козмодемьянский-3 раскоп. Это фрагмент начальной части завещания.

Приводим текст с конъектурами:

(во имѧ) [w]ц҃а ı съ҃на ı с҃вѧ[т]о=
(го доуха) … …- - -ѳн|…

Стратиграфическая дата: XIV в.

Большой интерес представляет не встречавшийся раньше вариант написания буквы *ы* — ъ̵ (где правая мачта буквы *ы*, соединенная со знаком ъ перемычкой, заменена одной лишь перемычкой, получившей вид штриха, пересекающего букву ъ).

№ 1079. Козмодемьянский-3 раскоп. Целое письмо из пяти строк.

поклонъ . ѿ смена и ѿ ѥго дѣтеи . и ѿ м=
оисиѧ . к михию . и к федору . и к несі=
фу . и к нюрню . пошлилите . позовн=
икъ . по вицка . и по иванца по дро=
здова . и по онцифорова . ивана

В пошлилитє повторен слог ли; буква ш по начертанию похожа на щ, но это всего лишь простая небрежность писавшего.

Стратиграфическая дата: XIV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 60-х гг. XIV в., предпочтительно кон. XIV — нач. XV в.

Перевод: ‘Поклон от Смёна и его детей и от Моисея к Михею, Федору, Есифу и Юрию. Пошлите позовника за Вичком, за Иванцем Дроздовым и за Онцифоровым Иваном’. Позовник — служащий, посылаемый к кому-либо с объявлением о его вызове в суд.

Словоформа *позовникъ* в данном контексте в принципе может быть В. ед. (древнего типа) или В. мн. (нового типа, т. е. = Р. мн., но со старым окончанием *-ъ*, а не новым *-овъ*). Более вероятно первое.

Грамота обращена к группе административных лиц и содержит требование вызвать в суд трех человек, направив к ним для этого специального пристава — позовника. Судебная повестка, которую доставлял позовник, называлась *позовной грамотой* или *позовницей* [НГБ V: 39]. Грамота № 385 (2-я пол. XIV в.), содержащая просьбу озаботиться отправкой позовной грамоты (то есть сделать то же, о чем авторы грамоты № 1079 просят ее адресатов), обращена к посаднику — Онцифору Лукиничу, из чего видно, что позовник выступал как представитель высшей республиканской администрации Новгорода. В нашем случае адресатом является не посадник, а целая коллегия из четырех человек. О существовании в Новгороде такого коллегиального органа судебной власти из других источников до сих пор ничего известно не было. Имеется, впрочем, одно косвенное свидетельство, с которым необходимо сопоставить показание грамоты. В ганзейском документе 1337 г., недавно введенном в научный оборот П. В. Лукиным, говорится, что новгородские послы должны были по возвращении в Новгород выступить на вече перед «мудрейшими» (die wisesten). В новгородских источниках «мудрейшие» не упоминаются, зато они известны из описаний самой немецкой конторы в Новгороде, где, как указывает Лукин, «мудрейшими» «назывались четыре опытных советника старосты, которые помогали ему в управлении и суде» [Лукин 2014: 344]. В новгородских «мудрейших» Лукин склонен видеть боярскую верхушку Новгорода, упоминаемую в другом известном ганзейском документе 1331 г. как «300 золотых поясов» (CCC guldene gordele). Против этого, однако, говорит расхождение в порядке величин: естественно думать, что, применяя немецкую терминологию к новгородским реалиям, автор документа исходил из функционального и структурного подобия сопоставляемых институтов. Как видим, аналог судебно-административной «четверки», которую в Немецком дворе называли die wisesten, в Новгороде XIV в. действительно существовал. Аналогом старосты, которому члены этой четверки «помогали в управлении и суде», следует, видимо, считать не названного в грамоте посадника.

Новгородские «мудрейшие», как явствует из документа 1337 г., образовывали своего рода президиум веча и, разумеется, могли происходить лишь из известных боярских родов Новгорода. Если в комментируемой грамоте мы действительно имеем дело с ними, то по крайней мере часть ее адресатов должна находиться среди известных по летописным и актовым упоминаниям деятелей истории Новгорода конца XIV — начала XV в. Первый из адресатов проверку такой идентификацией не выдерживает: имя Михей не представлено в этот период ни в актах, ни в летописи. Но сочетание имен Федор, Есиф и Юрий действительно допускает отождествление с известными историческими фигурами, а именно посадниками Федором Тимофеевичем (1385—1386, †1421), Есифом Захарьиничем (1388, 1392—1394, †1409) или Есифом Фалалеевичем (1392—1397, †1397) и Юрием Онцифоровичем (1375, † 1417) [Янин 2003: 504, 510—511]. Существенным аргументом в пользу такого отождествления является то, что эти люди представляли в посадничестве разные городские территории: Федор Тимофеевич — Славенский конец, Есиф Захарьинич — Плотницкий конец (и, возможно, также Прусскую улицу), Есиф Фалалеевич — Прусскую улицу, Юрий Онцифорович — Неревский конец. Для коллегиального органа общеновгородского уровня такая равномерность кончанского представительства кажется принципиально важной. Что же касается Михея, то его «неисторичность» не препятствует предлагаемому отождествлению: круг высшего новгородского боярства включал, конечно, и неизвестных летописи людей (сошлемся из более раннего времени на пример Петра Михалковича, который, будучи, несомненно, весьма влиятельной фигурой в Новгороде середины XII в., посадником не избирался и на страницы местной летописи не попал).

При предлагаемой идентификации адресатов грамоты ее историческая датировка определяется годами деятельности Есифа Захарьинича (1388—1409), сделавшегося посадником позже Федора Тимофеевича и Юрия Онцифоровича и умершего раньше их. Как видим, это именно тот период, которым грамота с наибольшей вероятностью датируется на основе внестратиграфической оценки.

Заметим, что в грамоте № 307 (2-я четв. XV в.), в которой фигурируют «лживые», подложные позовницы, они упоминаются вместе с такими же «лживыми» рукописаниями, то есть духовными грамотами, завещаниями. В связи с этим кажется глубоко не случайным, что грамота № 1079 найдена в одном археологическом контексте с фрагментами сразу двух духовных грамот (№ 1077, 1078). Не значит ли это, что оформление двух категорий документов находилось в ведении одной и той же административной инстанции, существовавшей при посаднике? Ср. также грамоту № 339/341 — черновик духовной, оформленной в виде письма посаднику [НГБ XII: 226].

Судя по времени и месту, Иван Онцифоров — скорее всего, один из сыновей Онцифора Лукинича (ранее историкам неизвестный).

Вичко — гипокористическое имя, вероятно, от *Викентии* или *Викулъ*.

Из синтаксиса отметим безупречное соблюдение правила повторения предлога: *по Иванца по Дроздова* (когда прилагательное стоит после существительного), но *по Ѻнцифорова Ивана* (когда оно стоит перед ним), см. [ДНД$_2$, § 4.10], пункты I и II А.

Самая удивительная особенность этой грамоты состоит в том, что в трех точках выступает странное Н вместо ожидаемого Ъ или И: к несифу, к нюрню. В грамоте имеется 6 бесспорных Н и 20 бесспорных И; у всех Н перекладина идет четко вниз, у всех И перекладина либо строго горизонтальна, либо даже слегка поднимается вверх. У всех трех проблемных букв перекладина идет четко вниз, так что счесть эти случаи за неточные начертания буквы И невозможно.

Возможны две гипотезы — к сожалению, обе предполагающие некоторое беспрецедентное или крайне редкое явление.

В первую очередь, можно предположить, что в грамоте отразился редкостнейший говор, где параллелизм *к јему*, *к јеӣ*, *к јим* = *к нему*, *к неӣ*, *к ним* аналогически распространился также на прочие случаи сочетания *к ј-*, включая даже сочетания с участием заимствованных имен собственных.

Древнейшим примером появления таким путем неисконного начального *н* (в данном случае из сочетания с предлогом *вън*) является слово *нѣ́дро*, возникшее в ту эпоху, когда *јѣ́дро* еще не перешло в *јадро.* Вот яркий пример, демонстрирующий характер связи этих слов: *ви́дѣнїа не ѿстоу́пль ꙗ́дра роди́телева в нѣ́дрѣ*[x] *мт҃ерни*[x] ‘не переставший видеть отцово недро в материнских недрах’ (РГБ, ф. 304.I, № 372. Октоих сер. XVI в., 5б).

Можно предположить, что сходным образом возник также вариант *ня́ма* Оренб., Вят., Перм. [СРНГ, 21: 332;] у слова *я́ма* — из *вън јаму*, *вън јамѣ*. Но здесь в появлении начального *н* могло сыграть некоторую роль также влияние распространенного много шире слова *ня́ша* [Там же: 336], у которого часть значений совпадает со значением слова *я́ма.*

Недостатком этой первой гипотезы является то, что *ню* в *рню* (вместо *рью*) таким образом не объясняется. Для этого написания необходимо искать какое-то отдельное, более частное объяснение.

Другая гипотеза состоит в том, что в грамоте отразился эффект диалектного перехода [j] после согласной в [н’] в некоторых пока еще точно не выясненных условиях.

Такой переход известен в украинском и чешском, но только после согласной *м*: ср. укр. диал. *мня́со* (< *мја́со*), *мнякий́* (< *мјакий́*), *імня́* (< *імја́*) и т. п., чеш. [mn’esto] как вариант к [mjesto] (*město*) и т. п. Чисто фонетический характер этого перехода очевиден: направление изменения определено назальностью фонемы /м/.

Некоторое число примеров с *мн* отмечено и в русских говорах:

скамня́ ‘козлы для пилки дров’ Иркут., ср. *ска́мья* ‘то же, что *скамня́*’ Арх.; ср. также *скамля́* ‘скамья’ Новг., Петерб., Олон. [СРНГ, 37: 384];

ска́мница ‘скамья’ Юго-зап., ср. *ска́мьица* ‘скамья’ Смол., Орл. [Там же: 384];

семнúшка Иркут., ср. *семьúшко* ‘семья’ Иркут. [Там же: 159].

Но есть и примеры, где такой же эффект наблюдается после других согласных:

ув ульне (‘в улье’) *пчел много* Смол. [СРНГ, 47: 122];

враснё ‘ложь, неправда’ Арх. [СРНГ, 5: 187]; также *враснЯ́* ‘лгун, враль’ Арх., ср. *врасья́* (и *вра́сья*) ‘лгун, лгунья’ Волог., Север. [Там же: 188]. Понятно, что недостающий член этой группы слов — вариант *врасьё* ‘враньё’ — не встретился наблюдателю лишь случайно.

Чисто фонетический характер перехода в *ульне* и *враснё* тоже очевиден.

Другая группа примеров такова:

кутня́ ‘кутья’ Ряз. [СРНГ, 16: 172];

ке́льня (и *ке́лна*) ‘келья’ Смол. [СРНГ, 13: 179];

ола́дня ‘оладья’ Том. [СРНГ, 23: 181];

бадня́ ‘кадка, выдолбленная из целого ствола’ Терск. [СРНГ, 2: 39], ср. *бадья́* ‘выдолбленная из дерева посудина, кадушка для хранения припасов’ Арх., Уфим., Перм., Челяб., Том., Оренб. [Там же: 41].

Здесь ситуация сложнее, поскольку можно предполагать влияние суффикса *-ня*. Существенно, однако, что в словах этой группы (кроме *ола́дья*) *j* — это не суффикс (соответствующие корни в русском языке неизвестны), т. е. замена *-ja* на *-ня* — это не мена суффиксов. И это не замена произвольной мягкой согласной на конце основы + *-а* на суффиксоподобное *-ня*: никаких примеров аналогичной замены *-ря*, *-дя*, *-тя*, *-зя*, *-ся* на *-ня* нет. Это значит, что и здесь в основе изменения лежит именно фонетический переход *j* в *н*’ (хотя, быть может, и поддержанный возникающим сходством с суффиксом *-ня*).

Вариант *Юрни* (из *Юрьи*) имени *Юрий* оставил следы в виде антропонимов и топонимов: это фамилия *Юрнев*, пустошь *Юрнино* [НПК, VI: 34] и современная деревня *Юрнево* Пошехонского района Ярославской обл.

Сильной стороной этой второй гипотезы является то, что все три примера странного *н* в настоящей грамоте объясняются единой причиной.

В то же время в грамоте есть и пример, где *j* после согласной сохранен: *ѿ ѥго дѣтеи.* Не исключено, правда, что это просто орфографическое клише, часто представленное в письмах и хорошо известное писавшему. С другой стороны, переход *j* в *н*’ мог происходить в данном говоре, например, лишь после заднеязычных и мягких согласных, тогда как в сочетании *от jего* (в отличие от *кутья* или *бадья*) согласная перед *j*, как и в современном языке, была твердой. Мог он быть и просто факультативным. Однозначно решить этот вопрос на столь ограниченном материале невозможно.

№ 1080. Козмодемьянский-3 раскоп. Это маленький фрагмент:

…[онъ]камъ
…ку[ц]ньжоно

Стратиграфическая дата: XIV в.

Надежно не выделяется никаких слов. Можно предположить, что в первой строке имелась словоформа (*ж*)*онькамъ*, во второй — *жоно*(*къ*). Для отрезка *куцнь* решений, отвечающих графическим нормам эпохи, не видно. Не исключено, что перед нами записанное как одно фонетическое слово сочетание (*ка*)*к учне* ‘как начнет’; ср. в № 794: *ци ти пъц*[*ь*]*не кнѧзь купьцѣ надѣливати*.

№ 1081. Нутный-IV раскоп. Правая часть трех строк документа (и остаток еще одной строки):

… (с)[оц]кли [і] …
… у шлькси .з҃і. бьлъ у вилива
…ото в лембови бьла у дмитра
… ув ънъдрьѧ

Стратиграфическая дата: 1320-е — 1340-е гг.

Лембово — то же, что Лемболово, — селение во Всеволожском районе Ленинградской области, близ Чёртова озера. Вариант Лембово тоже представлен [Mullonen 2007: 146]. Название происходит от фин. *lempo* 'чёрт' (*-la* — обычный суффикс финских топонимов); это древнее значение сохранилось в названии озера.

Вилива, по-видимому, начало какого-то карельского имени (или просто Р. ед. от имени *Виливъ*). (Можно было бы также предположить, что *увилива* — это начало не засвидетельствованного в древних текстах глагола *увиливати*, но, судя по структуре и характеру документа, это маловероятно.)

На *-ото* могла оканчиваться, например, словоформа (*лок*)*ото*; ср. *20 локото хѣри* в № 130.

Значительный интерес представляет слово (*с*)*оцкли* 'сочли, посчитали' из **съчьтли*, с рефлексом **tl* > *kl*; см. [ДНД$_2$, § 2.11]. Менее вероятны конъектуры (*роз*)*очкли*, (*ωт*)*очкли* (вариант *оцкли* вообще отпадает, поскольку в грамоте начальное [о] имеет вид *ω*); но и они содержат тот же рефлекс.

№ 1082. Троицкий раскоп. Довольно большой лист бересты, подготовленный для письма, от которого заполнена только узенькая первая строка у самого верха листа:

уов ортимие уо посака три берековесеке

Стратиграфическая дата: 1-я пол. XIV в., предпочтительно 1326—1350 гг.

Фонема /у/ передается через *уо* — редкая особенность, отмеченная доныне только в небольшом числе грамот XII и XIII вв. В *берековесеке* графически передана мягкость [в'] и [с'] в конечном [-в'с'к'ê]. Окончание И.-В. мн. муж. ⟨-*ѣ*⟩ в этом слове — диалектное древненовгородское.

Перевод: 'У Ортемьи-посака (*или*: Посака) три берковца [вероятно, соли]'.

Наибольший интерес представляет неизвестное ранее слово *посакъ*. Это явно то же слово, что современное диалектное [СРНГ, 30: 137] *пося́к* 'вор, мошенник' Твер. Пск.; *поса́к на посаку́* 'вор на воре', 'бродяга на бродяге' Невель. Имеется также ряд родственных слов [Там же: 138]: *поса́ч* 'босяк, оборванец' Олон.; мн. 'жулики, мошенники' Калин.; 'ловкач' Латв. ССР; *поса́чество* 'бродяжничество, попрошайничество' Олон.; *поса́чить* 'попрошайничать, собирать милостыню' Олон. В интернете отмечены люди с фамилией *Посаков* (а также *Посачев*), откуда видно, что такое прозвище существовало.

Слова *поса́к* и *поса́ч* выглядят как производные от корня *пос-*, но такого корня обнаружить нигде не удается.

Очевидно, слово *посакъ* образовано иначе. Источником здесь является слово *посадъ* в его дурных коннотациях: 'место, где живут не по-крестьянски, бездельничают, пьянствуют, жульничают, воруют' (= «город как зло»). Вот свидетельства: *поса́дский* — 'жулик' Рыбинск., 'босяк, человек без определенных занятий' Петрогр., Арх., 'пропащий человек, выпивоха' Лодейное Поле [СРНГ, 30: 136]. В таком же значении (*Что ты ходишь как посадский!*) это слово записано в д. Груздиха Холмского р-на Новгородской области (у Серафимы Степановны Мироновой, 1900 г. рождения).

Литературный пример из [НКРЯ]: *Мы дошли до ночлежного дома. Сели на скамью. Около нас очутились* ***посадские****, нищебродная братия, босяки, пьяницы и, может быть, воры и губители* (В. А. Никифоров-Волгин. Отдание Пасхи).

Другое важное свидетельство: *Лет двадцать — двадцать пять назад в Западной Руси слова «хулиган» не существовало, было слово «посадский». В посадах, в слободах оседали люди, вышедшие за пределы классов, не дошедшие до городской черты или перешедшие ее. Городские девушки, во всем подходившие под понятие мещанок, говорили: «Я за него не пойду, он посадский»* (Ю. Н. Тынянов. Из записных книжек. «Новый мир», 1966, № 8; указано Г. Идельсоном).

Словарь русских говоров Карелии [СРГК, 5: 88]: *посадие́* собир. 'молодежь'. *Посадие́ гуляет, говорили: «Гуляй, посадие́, не унывай». Так молодёжь называли*. Тихв.

Ср.: *посáдничать* ‘бродяжничать и заниматься воровством’ Невель, с примером: *Идет в посаки, а сам грамотный, что, работы нет? Посадничать пошёл*… [СРНГ, 30: 135]. Это тот же самый Невель, где записано *посáк на посакý*. Приведенный пример — нагляднейшее свидетельство прямой связи слова *посáк* с глаголом *посáдничать* и тем самым со всей указанной группой производных от *посадъ*.

Отсюда мы можем заключить, что слово *посакъ* получено усечением слова *посадский* и добавлением суффикса *-ак-ъ*, то есть с помощью того же словообразовательного механизма, что, например, в *лошак* от *лошадь*, *Ермак* от *Ермолай*, *мастак* от *мастер*, *маклак* от *маклер*, просторечное *видак* от *видеомагнитофон*, жаргонное *следак* от *следователь*.

Суффикс *-ак* часто выступает при корнях с отрицательными значениями (*дурáк*, *простáк*, *босяќ*, *пошляќ*, *ведьмáк*, *лешáк* и т. п.); а при нейтральных корнях он обычно придает слову фамильярный или просторечный характер (*мастáк*, *левáк*, *червяќ*, *медяќ*, *пятáк*, *трояќ* и т. п.). Заметим, что слово *рыбак*, которое ныне стилистически нейтрально, фиксируется в письменных источниках весьма поздно (со 2-й пол. XVII в.), в отличие от слов *рыболовъ*, *рыболовець*, *рыбарь*, *рыбитъ*. Можно предполагать, что первоначально это было фамильярное наименование рыболова.

Следует учитывать, конечно, что необязательно слово *посакъ* уже в момент своего рождения было заряжено тем сильным отрицательным смыслом, который свидетельствуется ныне. Первоначально это мог быть просто разговорный эквивалент к слову *посадский* с некоторой окраской фамильярности.

Это значит, что для настоящей грамоты мы должны признать две возможности: что в ней фигурирует Ортемья по прозвищу Посак, т. е. ‘бродяга’ (и т. п.) или просто Ортемья-посадский, где социальный статус обозначен несколько фамильярным способом. С тем фактом, что у Ортемьи имеется три берковца, т. е. 30 пудов, соли (или иного товара), по-видимому, лучше согласуется второе решение.

Тот же механизм усечения основы *посад-* при образовании суффиксального производного демонстрирует прозвище новгородского посадника XV в. Григория Кирилловича *Посахно*. Поскольку в данном случае усечению, несомненно, подверглось слово *посадникъ*, в принципе, и *посакъ* можно было бы счесть образованным от него. Однако очевидная смысловая связь диалектного *посак* с *посадский* делает эту гипотезу излишней.

№ 1083. Нутный-IV раскоп. Целое письмо из пяти строк.

\+ ѿ радила къ радонѣгоу дѣла=
и цепи дъвои обои ладьнѣ не моу=
та мѣди розвѣса намъ ти по=
жигати добрѣ нынѣ къ сва=
тъкоу дьвръдо

В последней строке дьвръдо вместо твьръдо — предвосхищение д.

Стратиграфическая дата: 2-я пол. XII — начало XIII в.

Внестратиграфическая оценка: XII в., предпочтительно 20-е — 70-е гг.

Письмо представляет собой распоряжение мастера-ювелира своему подмастерью приступить к работе по изготовлению двух цепей. Автор указывает, что работу предстоит выполнить высококачественно и строго к сроку. Упоминание технологических приемов ювелирного производства делает грамоту уникальным источником по истории древнерусского ремесла.

Судя по сходству имен, автор и адресат могут быть братьями; в этом случае автор, вероятно, старший брат.

Перевод: ‘От Радила к Радонегу. Делай две цепи, развесив [сырье] поровну между обеими, не примешивая меди — нам [предстоит] плавить добротно. Теперь [уж] к празднику твердо’.

Используемый для изделий металл всегда содержит небольшой процент примесей. Так, золото или серебро содержит некоторый процент меди и других металлов (без примесей

оба драгоценных металла были бы слишком мягкими). Медь может содержать примеси, в частности, олова и свинца. При составлении нового сплава мастер подбирает такое соотношение ингредиентов, которое должно обеспечить желаемые качества сплава (цвет, твердость и др.)[1].

Понимание смысла распоряжения Радила зависит от значения глагола *мутити*. Его современное значение — ‘делать мутным, менее ярким’. Но в древности этот глагол, будучи каузативом от *мѧсти*, *мѧстисѧ*, явно имел значение более физического характера (‘встряхивать’, ‘взбалтывать’, ‘размешивать’); это значение сохранилось доныне в производном *мутовь*, *мутовка* (др.-русск. *въ мутъви* ‘в мутовке’). Ср. санскр. *manthati* ‘трясет’, ‘взбалтывает’, ‘размешивает’ (каузатив *manthayati*), *manthā* ‘мутовка’.

Если бы в грамоте глагол был употреблен в первом, современном значении, распоряжение состояло бы в том, чтобы не добавлять в медь примесей, которые ослабят ее яркость. Если же значение древнее, смысл получается иной: не примешивать меди в золото или серебро. Лингвистически два варианта равновероятны, однако с содержательной точки зрения бесспорно предпочтительным нужно признать второй. Яркость меди, металла недрагоценного, вряд ли стала бы заботить мастера; напротив, качество серебра и золота, определяемое содержанием в них примесей, безусловно было предметом такой заботы и даже делом чести. В XVII в. московские серебренники, вступая в торговый ряд, давали обязательство *в серебро медь и свинцу не мешать* [Кулишер 2003: 98] (параллель указана М. И. Петровым).

В пользу такого толкования свидетельствует и глагол *пожигати*, обозначавший не просто процесс плавки, но особую технологию очистки драгоценных металлов — так называемое купелирование, производившееся путем плавления серебра с добавлением свинца и золота с добавлением сурьмы (окисляясь, свинец и сурьма отделяются от металла вместе с примесями)[2]. До сих пор древнейшей фиксацией этого значения был пример из смоленской грамоты 1229 г.: *аже латинескии дасть серебро пожигати, дати ѥму ѿ гривны серебра коуна смольнескаꙗ* [СГ: 24] (списки A, B, C готландской редакции договора; в списках рижской редакции D, E, F вместо *пожигати* читается *плавити*). Прошедшее такую очистку серебро и золото называлось «жженым» [СДРЯ, 3: 385], а также «добрым» (ср. *злата доброго зженого почку* [Гренберг 1995, 1: 144]). Соответственно, выражение *пожигати добрѣ* следует понимать как ‘плавить так, чтобы получился «добрый» металл’, т. е. ‘высококачественно, добротно’. При таком специально-технологическом понимании этого сочетания распоряжение не примешивать медь при развеске сырья выглядит естественным — путем купелирования пробу драгоценного металла предстояло повысить, освободив его от примесей, в том числе и от меди.

Оборот *обои ладьнѣ … розвѣсѧ* (где *ладьнѣ* — это второй винительный) следует понимать как предписание распределить сырье таким образом, чтобы цепи вышли одинаковыми по весу. Поскольку это предписание не сопровождается конкретным указанием веса, возможно, что сырье (серебряная или золотая «ветошь») было передано вместе с грамотой.

Слово *чепи* первоначально употреблялось как plurale tantum в том же значении, что позднée ед. число *чепь* (*цѣпь*). Оно было подобно в этом отношении словам *бусы*, *четки*, где мн. число вызвано тем, что предмет состоит из звеньев. Вот некоторые примеры из [НКРЯ], где это непосредственно видно: … *сняша с него вериги, и не хотяща ему, и сковаша в них* ***чепи ко кресту*** (Житие Кассиана Босого, 1550—1568); *А людье бьюще Михаля отторгоша*

[1] Приносим благодарность Н. В. Ениосовой, специалисту по средневековому ювелирному делу, за разъяснение отразившихся в грамоте технологических деталей.

[2] Главным средневековым источником, содержащим описание этого процесса, является трактат пресвитера Феофила «О различных искусствах» («De diversis artibus»), созданный в Германии в начале XII в., то есть практически современный комментируемой грамоте. Аналогичные инструкции известны и на восточнославянской почве, в частности в виде статьи *Указ, как плавить серебро недоброе ветошь на гнезде костяном*, читаемой в составе сборников и иконописных подлинников XVI—XVIII вв. [Гренберг 1995, 1: 149, 257; 2: 199].

с него ***крестъ и чепи*** *золоты* (Московский летописный свод, 1560—1570); *...на не*[м] ***крь***[с] ***и чепи*** *в гри*[в]*ну золота* (Суздальская летопись). Соответственно, при счете здесь выступают числительные *двои*, *трои*, *пятеры* и т. п., например: *двои чепи въ 2 рꙋблѧ съ хт҃мь* в грамоте № 138, *трои чепи снѧше золоты* (Галицкая летопись).

В форме В. мн. жен. *ладьнѣ* представлено др.-новг. диалектное окончание *-ѣ*.

Важный факт древненовгородской морфологии составляет окончание *-и* (а не *-ѣ*) в В. мн. жен. *дъвои* и *обои.* Это *-и* не из прежнего *-ѣ*, оно имеет собственно морфологический источник; это видно из того, что все исконные *ѣ* в грамоте сохранены (*ладьнѣ*, *добрѣ*, *мѣди*, *розвѣсѧ*, *Радонѣгоу*, *дѣлаи*; за написанием *цепи* стоит ⟨*чепи*⟩, с отражением цоканья).

№ 1084. Нутный-IV раскоп, мостовая. Документ из двух фрагментов. Правый край цел; слева, видимо, обрезано; верхний край, возможно, исконный; низ оборван.

Грамота написана тем же почерком, что № 1081.

… марка .з҃. бьлъ
…[л]ици .д҃. бьли
…ла . ꙋ павшици
…или бьла ꙋ [р]а-|…

Стратиграфическая дата: 1310-е — 1320-е гг.

В *у Павшици* либо представлено уменьшительное имя *Павшица* (от гипокористического *Павша*), либо это ‘у Павшичей’, т. е. детей (или потомков) Павши; ср. *оу Данешиници* ‘у Даньшиничей’ в № 219, где конечное *-ици* стоит либо вместо ⟨*-ичь*⟩, либо вместо ⟨*-ичии*⟩, см. [ДНД$_2$: 441].

№ 1085. Троицкий раскоп. Запись, состоящая всего из одного слова.

покоꙋшаю

Стратиграфическая дата: середина XIV в.

Это целый документ — проба пера. Перевод: ‘Пробую’.

Ср. грамоту № 702 точно такого же содержания: *покꙋшити* (= *покꙋшати*).

Такое же варьирование форм 1 л. и инфинитива демонстрируют записи книжных писцов XIV в.: *Покушаю пера. Покушаю* (Паремейник, РГАДА, ф. 381 № 62, л. 120); *Покушати чернила* (Пролог, РГАДА, ф. 381, № 177, л. 51 об.); *Покушаю пера и чернила* (Паремейник, РГАДА, ф. 381, № 5, л. 101) и др. [Столярова 2000: 233, 390, 399]. Использование на бересте этих стандартных для книжной письменности проб пера — явное свидетельство работы профессионалов.

Найден также другой фрагмент той же бересты: на ꙗ ꙗко.

По-видимому, это тоже пробы пера, но на этот раз никакой законченной фразы нет — это отдельные слова (возможно, недописанные).

№ 1086. Троицкий раскоп. Два смыкающихся фрагмента.

Приводим текст с конъектурами:

… (пше)=
нкѣ сѣмо : кадь . а толока . гоши[ти] (…) (до св)=
[ѧ]т[окъ]

Стратиграфическая дата: середина XIV в.

Перевод: ‘… (пришлите [?]) сюда кадь пшеницы (*менее вероятно*: проса). А толоку устроить [предстоит] до святок (*или*: на праздник)’.

Толока (или *помочь*) — однодневная коллективная работа всем селом над стройкой или уборкой урожая у одного из односельчан, после которой он выставляет угощение для всех работавших.

Гошити — ‘готовить’, ‘организовывать’, ‘устраивать’. *Толока гошити* — северновеликорусская синтаксическая конструкция с И. падежом объекта; ср. *протерѧ гоши*(*ти*) ‘готовиться к убыткам’ в грамоте № 155.

Последнее слово допускает реконструкции (*до св*)*ѧтокъ* ‘до святок’ и (*на св*)*ѧтокъ* ‘на праздник’. Последнее, на первый взгляд, кажется невероятным, учитывая запрет на работу в праздничные дни. Однако, по этнографическим данным, толока могла устраиваться и в праздники, сама воспринимаясь как своего рода праздничное действо [Зеленин 1991: 362].

№ 1087. Нутный-IV раскоп. Письмо из пяти строк с утраченной правой частью.

+ ѿлькъшь къ дьмьанъкоу какъ ты за мъною творишь коун[о](ꙋ) …
за вънѹхъцью ти :ѳ: коунъ показаль ти данило ем…
възьми жь на нь въ трьть а ѧзъ ти с[ъ?]---[на]…
внь дъвь гривнѣ а вънѹхъцѧ бьжал…
авлѧасѧ

Стратиграфическая дата: не позднее середины XII в.

Внестратиграфическая оценка: вторая половина XII в.

В написании *ѿлькъшь* лигатура *ѿ* почти наверное предполагает чтение *ото*, т. е. это ‘от Олекши’ — как в *ѿнуѳрѣѧ* ‘от Онуфрия’ в грамоте № 98 (XIV в.): усеченные формы типа *Лекъша* для Новгорода не характерны. Лигатура *ѿ*, по-видимому, с весьма раннего времени могла именоваться [ото], с книжным чтением ее названия *отъ*; ср. написание *ѿ*|*мь* ‘о том’ 37а в Успенском сборнике [УС: 88].

Полный перевод из-за утрат невозможен. Приводим предположительный перевод с элементами реконструкции:

‘От Олекши к Демьянку. Так как ты считаешь, что за мной куна (и столько-то гривен), а за внучком [моим] 9 кун — [так] показал Данило, — то бе(ри ?) … (*вероятный общий смысл*: весь этот долг с меня); возьми же на него (внучка) в треть (= возьми сумму долга, приходящуюся на внучка, по ставке в 33 %, то есть с увеличением на треть). А я … (*вероятный общий смысл*: выплачу) две гривны. А внучек бежал … (*возможно, указывалось еще, куда*) (ко мне не) являясь’.

Очевидно, Олекша был поручителем за своего внука, поэтому после его побега он сам должен расплачиваться с его долгами. Ссылка на показание Данила, вероятно, говорит о том, что сам Олекша не знал, что его внук занимал деньги у Демьянка.

Понимая таким образом ситуацию грамоты, можно предположить, какие суммы упоминались в утраченных частях текста. Если ставка по долгу деда была такой же, как и по долгу внука — 33 %, то, чтобы вернуть две гривны, Олекша должен был занять у Демьянка полторы гривны. Если же реальный долг Олекши составлял на куну больше, то есть 38,5 кун (25+12,5+1), то при возврате двух гривен процент выходил чуть меньшим — не 33 %, а 30 %. В контексте грамоты эта разница выглядит вполне оправданной: честно выполняя свои поручительские обязательства и расплачиваясь за долг внука в полном объеме, Олекша вправе был рассчитывать на небольшое снижение процента по собственному долгу.

Для первой фразы письма имеется близкая аналогия в грамоте № 238: *цьто же за м*[ъ](*но*)[ю] *твориши* [*за*] *мъною осмь коунъ и гривьна.* Из нее видно также, что большая сумма в таких случаях обычно называлась после малой. Отдельно заметим, что реконструируемое *коуноу и поль въторѣ гривнѣ* — самое краткое из возможных обозначений суммы в 38,5 кун.

Побег как один из выходов из затруднительной финансовой ситуации уже упоминался в грамотах № 510 (‘… а Домажир бежал, не выкупивши [имущества] у Вячеслава из долга’) и № 44 (‘а Наума с Леновихтом и крестное целование не касается…, бежали в немецкую землю’).

Представляет значительный интерес неизвестное доныне слово *вънухъча*, явно производное от *вънукъ* (с усечением конечного *к* основы). В нем вычленяется не отмеченный

ранее гипокористический суффикс *-хъч-а*. Удалось обнаружить и другие примеры использования этого крайне редкого суффикса: в интернете содержатся фамилии *Брахчин* и *Сыхчин* — от исходных *брахча* и *сыхча*, в которых естественно видеть производные от *братъ* и *сынъ*, в точности параллельные слову *внухча*. Отметим еще фамилию *Бухча* и топоним *Люхча* (на Украине), которые могут быть производными от имен типа *Будимиръ*, *Любомиръ*.

Суффикс *-хъч-а* — это результат соединения двух гипокористических суффиксов: *-х-* (как в *Терехъ, Демехъ*, *Олухъ*, *Торахъ*, *Ростихъ* и т. п.) и *-ъч-а* (как в *Олуча*, *Лих*(*о*)*ча* или в современных *Таньча*, *Геньча*). По построению он аналогичен более распространенному суффиксу *-хън-о* (*Грихно*, *Махно*, *Олухно*, *Яхно*, *Посахно* и т. п.). Поэтому неудивительно, что наряду с *Брахчин* и *Сыхчин* обнаруживаются и фамилии *Брахов*/*Брахин* и *Сыхов*/*Сыхин* — от вариантов *брах*/*браха* и *сых*/*сыха*, не осложненных дополнительным суффиксом; см. также названия *Брахово* (усадьба в Крестецком р-не Новгородской области), *Сыхово* (в Стрыйском р-не Львовской области) и *Strychowo* (в Польше). В [НПК] отмечены имена *Сыха* и *Брашко*. Исходное *брах-* непосредственно сохранилось в фамильярном чеш. и польск. *brach* 'братец', 'браток' (в чешском также *bracha*) [указано С. Лащук]. Ср. также русск. *сваха*, образованное таким же способом от *сватья*. Выявляется, таким образом, целое гнездо нетривиальных гипокористик от основных терминов родства.

В написаниях *какъ* и *творишь* отразилось отпадение нередуцированных конечных гласных [ДНД$_2$: 68–69], которое безусловно происходило не раньше отпадения конечных редуцированных. Между тем в середине слова слабые редуцированные в грамоте № 1087 последовательно сохраняются: *Лькъшь*, *Дьмьѫнькоу*, *за мъною*, *въноухъцею*, *възьми*, *въноухъцѫ* (пропуск *ь* в *гривнѣ* непоказателен, так как названия денежных единиц часто писались сокращенно). Тем самым перед нами еще одно выразительное подтверждение того, что конечные редуцированные были утрачены раньше неконечных [ДНД$_2$: 65].

№ 1088. Посольский раскоп. Конечная часть документа, пять с половиной строк.

… (съ бр)атомо
косноти{ти}ни : съди{ли}ла не сережере ма=
тие геще възъдеславе лареене ме:ке
сереге (г)ри[г]а {л} ѳедоре со братею бори=
{си}се съ братомо{мо} сепоне олеѯньце
ѳедере съньмн съмене съ братъмъ

Стратиграфическая дата: XIII в.

Внестратиграфическая оценка: формально 1100—1260, предпочтительно 1160—1240 гг.

Набор имен (в котором сочетаются дохристианские и христианские имена, с преобладанием последних) более характерен для 1-й пол. XIII в., чем для XII в.

Грамота представляет собой тот редчайший случай — единственный в нынешнем корпусе из примерно 1200 берестяных грамот, — когда писавший чрезвычайно плохо владел письмом. Точнее говоря, он плохо справлялся с задачей записи звучащего слова (при том, что техника начертания букв у него достаточно хорошая).

Ошибок беспрецедентно много; следует полагать, что писавший страдал некоторым видом дисграфии. Самый частый тип ошибок — персеверация, т. е. повторение гласной предыдущего слога вместо правильной гласной или повторение целого слога (или иного отрезка). Например, в тексте содержатся такие цепочки букв, как *реенемекесереге*, *несережере*, *леξньцеѳедере*, *титини*. На текст, который в правильном виде состоял бы из 147 букв, приходится 21 буквенная ошибка против обычных для берестяных грамот принципов бытового письма (т. е. в седьмой части букв).

Нагромождение ошибок таково, что в нескольких местах имевшийся в виду текст восстанавливается лишь предположительно.

Вероятно, освобожденный от ошибок текст выглядел бы так (буквы, которые в тексте заменены или пропущены, подчеркнуты, лишние буквы опущены):

…(съ бр)атомо, Косн*ѧ*тин*е*, Съдила. Н*а* Сережере (?) **Матие, Геще, Вълъдеславе, Лареене, М*о*ке*е*** (?), **Сереге, (Г)рига, Ѳедоре со брат*ь*ею, Борисе съ братомо, С*те*п*а*не** (?), **Оле*ѯа*ньце, Ѳед*о*ре съ *сы*нъм*ъ*, Съмене съ братъмъ.**

Написание *Геще* равнозначно *Гешке* (о соотношении *щ* и *шк* см. [ДНД$_2$: 48—49]). Это гипокористическое производное от *Германъ* или *Геннадии*; ср. *Фешке* (от *Федоръ*) в грамоте № 32. Форма *Сереге* может быть недописанным *Серегеи* (или *Серегее*) или правильным И. падежом от основы **Серьг-*; ср. топоним *Серговичи* [НПК, III: 937].

Реконструкции *на Сережере*, *Мокее*, *Степане* носят лишь предположительный характер. Если *на Сережере* — это действительно ‘на Селигере’, то *ж* здесь такого же происхождения, как в топониме *Селижарово.*

Сохранившаяся часть документа почти целиком состоит из перечня имен. Смысл этого перечня, очевидно, был ясен из утраченной начальной части.

С морфологической точки зрения представляет интерес большой ряд словоформ И. ед. с новгородским окончанием *-е*. Из числа надежных и показательных это *Вълъдеславе*, *Лареене*, *Ѳедоре*, *Бори{си}се*, *Съмене*, *Геще* (*=Гешке*), а также *Олеѯ(а)ньце.* Прочие примеры по разным причинам непоказательны.

№ 1089. Раскоп у дома 16 по Троицкой улице. Документ (по-видимому, целый) из четырех строк, написанный чернилами.

Невооруженным глазом читаются только средние отрезки из 6—7 букв в трех верхних строках. Специализированная съемка позволила прочесть еще некоторое количество букв, но и после этого около половины всего текста не читается.

(м)[н]ого сгрѣш-и[х]- - -
[ст]уфх ѿоцчшъ- - -
- - - -а у насъ м[о]…
… ом…

Стратиграфическая дата: вторая половина XIV в.

В том объеме, в каком текст может быть прочитан, он поражает своей структурной разнородностью. В первой строке читается фрагмент покаянной формулы: (*м*)*ного сгрѣш*(*ихъ*) [или *сгрѣш*(*ихомъ*)]. Вторую строку занимает фрагмент азбуки, начинающийся буквой С. Последняя видимая буква — Ъ, после нее в строке остается место еще для 3—4 букв. В третьей строке надежно опознается только …*у насъ*…, что более всего похоже на фрагмент письма. Очевидно, переходя со строки на строку, писец менял характер текста: начатую в первой строке покаянную молитву во второй строке продолжила азбука, а в третьей — какое-то сообщение. Всё вместе производит впечатление комплексной пробы пера. Действительно, в этом качестве на полях рукописных книг встречаются и обрывки молитв, и азбуки, и отдельные эпистолярные формулы.

Хотя прочесть устроенный таким образом текст как связное целое невозможно, в сочленении первого и второго фрагментов просматривается определенная логика. Обращает на себя внимание, что первые три буквы слова *много*, которым начинается грамота, следуют друг за другом в алфавитным порядке, а буква С, с которой начинается следующее слово, отделена от первого О двумя буквами, то есть отстоит от него на тот же интервал, что и в алфавите. Иначе говоря, слова *МНОго Сгрѣшихъ* заключают в себе фрагмент азбуки: МНО--С. Это могло навести писавшего на мысль продолжить свое упражнение азбукой, начав с той буквы, которой закончился первый фрагмент: СТУФХ…

Параллели к такому механизму сцепления разнородных текстовых фрагментов можно найти в ученических записях Онфима, по существу, также представляющих собой «пробы пера» (см. [НГБ XI: 218—220]). Так, в грамоте № 204 Онфим, написав *ѧкоже*, обрывает начатую фразу и, оттолкнувшись от *же*, выписывает ряд складов на *е*: *бе ве ге де же зе*… В грамоте № 202 (*на Домитрѣ возѧти доложзикѣ*) странное написание словоформы В. мн. *должкѣ* явно объясняется тем, что между Ж и К Онфим написал буквы, находящиеся между

ними в алфавите; таким образом, в подражающую деловой записи фразу оказался инкорпорирован фрагмент азбуки — ЖЗИК. Сходство этого случая с комментируемой грамотой особенно значительно. Не исключено, что и фраза в третьей строке грамоты № 1089 была каким-то образом сцеплена с окончанием азбуки во второй строке.

2. Старая Русса

В 2016 г. работы в Старой Руссе велись на Пятницком-II раскопе[3]. Эти исследования позволяют объединить в единую площадь (размерами приблизительно 500 кв. м) участки раскопов, изученных в разное время — X (1969—1970 гг.) и Пятницкого-I (2002—2012 гг.), — на которых было обнаружено восемь берестяных грамот XII — начала XV в.: № 2—3 на раскопе X и № 39—43, 45 на Пятницком-I раскопе.

На Пятницком-II раскопе при изучении культурных напластований 12 пласта (глубина — 220—240 см) в северной части усадьбы «Б», к востоку от юго-восточного угла сруба ПС-57, в квадрате 127 была найдена берестяная грамота № 46 (полевой № 106, размер 16,0×2,0—2,5 см).

В том же стратиграфическом горизонте, что и берестяная грамота № 46, была обнаружена вислая свинцовая печать, относящаяся к типу так называемых «анонимных печатей новгородских архиепископов». Стратиграфические наблюдения позволяют предварительно датировать культурные напластования этого уровня концом 40-х — началом 60-х гг. XIV в.

Структура застройки усадьбы «Б» середины — 2-й пол. XIV в. нетрадиционна для средневековой Руссы. Жилые, хозяйственные и производственные сооружения располагались по периметру усадьбы, а ее центральная часть была замощена настилами из жердей и плах. Въезд в усадьбу располагался с юга. Статус владельцев усадьбы подчеркивается обнаружением в вышележащих напластованиях последней четверти XIV — начала XV в. ряда редких находок: фрагмента ажурной, возможно серебряной, накладки с частью латинской надписи готическим шрифтом, двух кожаных туфель западноевропейского покроя, половины серебряного денежного слитка (полтина). Одной из самых ярких находок усадьбы «Б» стала деталь волынки — трехканальная мелодическая (или игровая) трубка (в современной музыкальной терминологии — чантр) [Торопова и др. 2015; Торопова и др. (в печати)].

Ст.Р. 46. Начальная часть письма.

покло ѿ ѡлѥскадра к матьрь
мовли данило григан[є] в-------
ѥсм[о с] тво...

Во 2-й строке автор сперва написал ги, но заметил это и переправил на гр.

Стратиграфическая дата: 3-я четверть XIV в.

Перевод: ‘Поклон от Олескадра матери. Скажи, Данила, Григане...’. Дальнейшее слишком обрывочно (может быть, там было сказано ‘я рассчитался с твоим...’).

Покло — такая же неполная запись слова ‘поклон’, как в грамотах № 359, 414, 531; это слово вообще нередко подвергается сокращениям или искажениям.

Олескадръ как вариант имени Александръ уже встречалось: *к Олоскадру* в № 528.

К матьрь — вместо *к матерѣ*, с поздним эффектом замены исконного окончания -*и* окончанием Д. ед. обычного *а*-склонения.

Мовли, по-видимому, не случайная перестановка букв в *молви*, а фонетическая метатеза — такая же, как в диалектном *мо́влит* ‘скажет’ Яросл. [СРНГ, 18: 189], *мовли́стый* ‘словоохотливый’ Арх. [Там же]; возможно, так же объясняется польск. *niemowlę* ‘младенец’ (менее ясно, относится ли сюда же укр. *немовля́*). Это первый такой пример в фонде берестяных грамот.

[3] Исследования выполнены при поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ.

Григаня — не встречавшееся ранее в берестяных грамотах гипокористическое производное от имени Григорий, подобное современным формам типа *Гришаня*, *Мишаня*, *Миханя*, *Федяня*, *Васяня*, *Коляня* и т. п. В интернете засвидетельствовано как само имя *Григаня*, так и фамилия *Григанин*.

Уникальна коммуникативная структура письма: его начальная фраза представляет собой этикетный поклон матери, но дальнейшее обращено уже не к матери, а к некоему Даниле, которому предписывается сказать нечто Григане. Возможно, Данила — это управляющий в хозяйстве матери Александра. Такую трактовку подсказывает аналогия с № 358 — письмом посадника Онцифора Лукинича к матери, большую часть которого занимает инструкция управляющему Нестеру. Другая возможность состоит в том, что Данила — посланец, который передаст это письмо; тогда перед нами — элемент архаичного эпистолярного этикета, восходящего к практике передачи устных посланий (ср. зачины типа «скажи такому-то» в переписке древней Месопотамии).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Гренберг 1995 — Гренберг Ю. И. Свод письменных источников по технике древнерусской живописи, книжного дела и художественного ремесла в списках XV—XIX вв. СПб.: Пушкинский фонд, 1995. Т. 1. Кн. 1—2. [Grenberg Yu. I. *Svod pis'mennykh istochnikov po tekhnike drevnerusskoi zhivopisi, knizhnogo dela i khudozhestvennogo remesla v spiskakh XV—XIX vv*. [Corpus of written sources concerning the technique of Old Russian painting, book production, and artistic craftsmanship in the copies of the 15—19th centuries]. St. Petersburg: Pushkin Foundation, 1995. Vol .1. Book 1—2.]

ДКУ — Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подг. Я. Н. Щапов. М.: Наука, 1976. [*Drevnerusskie knyazheskie ustavy* [Old Russian Princely Statutes of the 11—15th centuries]. Shchapov Ya. N. (ed.). Moscow: Nauka, 1976.]

ДНД$_2$ — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd ed. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]

Зеленин 1991 — Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.:, Наука, 1991. [Zelenin D. K. *Vostochnoslavyanskaya etnografiya* [East Slavic ethnography]. Moscow: Nauka, 1991.]

Кукушкин и др. (в печати) — Кукушкин И. П., Гиппиус А. А., Зализняк А. А. Первая находка берестяной грамоты в Вологде // Российская археология (в печати). [Kukushkin I. P., Gippius A. A., Zalizniak A. A. The first birch-bark letter found in Vologda. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian archeology] (in print).]

Кулишер 2003 — Кулишер И. М. История русской торговли и промышленности. М.: Социум, 2003. [Kulisher I. M. *Istoriya russkoi torgovli i promyshlennosti* [History of the Russian trade and industry]. Moscow: Sotsium, 2003.]

Лукин 2014 — Лукин П. В. Новгородское вече. М.: Индрик, 2014. [Lukin P. V. *Novgorodskoe veche* [The Novgorod veche]. Moscow: Indrik, 2014.]

НГБ V — Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1963. [Artsikhovskii A. V., Borkovskii V. I. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1956—1957 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1956—1957)]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963.]

НГБ XI — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997—2000 гг.). М.: Русские словари, 2004. [Yanin V. L., Zalizniak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997—2000 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1997—2000)]. Moscow: Russkie Slovari, 2004.]

НГБ XII — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001—2014 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2015. [Yanin V. L., Zalizniak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001—2014 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 2001—2014)]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // http://www.ruscorpora.ru. [*Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: http://www.ruscorpora.ru.]

НПК — Новгородские писцовые книги, изданные Императорской археографической комиссией. СПб.: Сенат. тип., 1859—1910. Т. I—VI. [*Novgorodskie pistsovye knigi, izdannye Imperatorskoi*

Arkheograficheskoi komissiei [Novgorod cadastres edited by the Imperial Archeographic commission]. St. Petersburg: Senat. tip., 1859—1910. Vol. 1—6.]

СГ — Смоленские грамоты XIII—XIV вв. / Подг. Сумникова Т. А., Лопатин В. В. М.: Изд-во АН СССР, 1963. [*Smolenskie gramoty XIII—XIV vv.* [Smolensk documents of the 13—14th centuries]. Prepared by Sumnikova T. A., Lopatin V. V. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963.]

СДРЯ — Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Вып. 1—. М.: Русский язык, 1988—. [*Slovar' drevnerusskogo yazyka XI—XIV vv.* [A dictionary of the 11—14th centuries Old Russian language]. Vol. 1—. Moscow: Russkii jazyk, 1988—.]

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994—2005. Т. 1—6. [*Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei* [A dictionary of the Russian folk dialects of Karelia and adjacent areas]. St. Petersburg: St. Petersburg Univ., 1994—2005. Vol. 1—6.]

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—. М.; Л.: Наука, 1965—. [*Slovar' russkikh narodnykh govorov* [A dictionary of Russian folk dialects]. No. 1—. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965—.]

Столярова 2000 — Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV вв. М.: Наука, 2000. [Stolyarova L. V. *Svod zapisei pistsov, khudozhnikov i perepletchikov drevnerusskikh pergamennykh kodeksov XI—XIV vv.* [The Corpus of the inscriptions made by the scribes, illuminators, and binders of the Old Russian parchment codices of the 11—14th centuries]. Moscow: Nauka, 2000.]

Торопова и др. 2105 — Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г., Колосницын П. П. Археологические исследования в Старой Руссе в 2014 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 29. СПб.: Первый ИПХ, 2015. С. 78—87. [Toropova E. V., Toropov S. E., Samoilov K. G., Kolosnitsyn P. P. Archeological studies in Staraya Russa in 2014. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya: Istoriya i arkheologiya.* Vol. 29. St. Petersburg: Pervyi IPKh, 2015. Pp. 78—87.]

Торопова и др. (в печати) — Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г., Колосницын П. П. Полевые исследования 2015 г. в г. Старая Русса и Новгородской области // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 30 (в печати). [Toropova E. V., Toropov S. E., Samoilov K. G., Kolosnitsyn P. P. Field studies of 2014 in Staraya Russa and Novgorod region. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya: istoriya i arkheologiya*. Vol. 30 (in print).]

Тупиков 1903 — Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1903. [Tupikov N. M. *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [A dictionary of the Russian personal proper names]. St. Petersburg: Tip. I. N. Skorokhodova, 1903.]

УС — Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подг. Князевская О. А., Демьянов В. Г., Ляпон М. В. Под ред. Коткова С. И. М.: Наука, 1971. [*Uspenskii sbornik XII—XIII vv*. [Uspensky Collection of the 12—13th centuries]. Knyazevskaya O. A., Dem'yanov V. G., Lyapon M. V., Kotkov S. I. (eds.). Moscow: Nauka, 1971].

Янин 2003 — Янин В. Л. Новгородские посадники. М.: Языки славянской культуры, 2003. 2-е изд., перераб. и доп. [Janin V. L. *Novgorodskie posadniki*. [Novgorod posadniks]. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2003.]

Янин 2008 — Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянской культуры, 2008. [Yanin V. L. *Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda* [Essays on the history of medieval Novgorod]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2008.]

Mullonen 2007 — Mullonen I. Toponym contacts along the river Svir. *Borrowing of place names in the Uralian languages.* Pitkänen R. R., Saarikivi J. (eds.). Debrecen: Debreceni Egyetem Magyar Nyelvtudományi Intézete, 2007. Pp. 141—158.

Получено/received 12.01.2017 *Принято/accepted 07.02.2017*